

ПРОБЛЕМА «БОЛЬШОГО КИТАЯ» ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ КНР

М. В. Осадчий

Несомненно, что на данном этапе развития системы международных отношений, все большее значение приобретают синоязычные страны и территории, а именно Китайская Народная Республика (вместе с присоединившимся к ней Сянганом и Аомынем) и Тайвань. Вместе с зарубежной китайской диаспорой («хуацяо») их в мировой научной литературе именуют «Большой Китай».

Само появление понятия «Большой Китай» стало вполне закономерным, так как образовался некий понятийный вакуум, который не мог описать необычно высокое переплетение деловых, культурных и межчеловеческих взаимоотношений между континентальным Китаем и территориями прилегающими к нему.

Китаеведы и политологи дают разное толкование феномена «Большой Китай».

Согласно самому распространенному мнению, «Большой Китай» – это материковый Китай, Сянган, Аомынь и Тайвань.

Сторонники второго подхода к вышеперечисленным территориям добавляют еще и Сингапур, а также зарубежную китайскую диаспору.

Наконец, есть и «суженный» подход, который трактует «Большой Китай» как наиболее развитые части приморских районов юго-востока КНР.

Актуальность темы для исследования в нашей стране обуславливается тем, что Республика Беларусь, находясь в географическом центре Европы, так или иначе, будет участвовать в интеграционных процессах. Поэтому, изучение интеграционного опыта не только Запада, но и Востока, является необходимым условием для успешного участия Беларуси в данного рода процессах.

Сама идея формирования геополитического квазисообщества материкового Китая, Сянгана, Макао и Тайваня тесно связана с конечной и главной целью всех четырех генераций руководителей КНР – объединение «нации-государства» и превращение Китая в ведущую державу мира. Перед КНР во всей актуальности стоит задача «экономической интеграции и политического объединения ранее отторгнутых от Китая территорий».

По убеждению руководства КНР, доминанта экономических интересов определяет сегодня политику государств, а весь комплекс международных отношений сводится в основном к соперничеству совокупных

мощностей государств, ключевыми компонентами которой является технико-экономический потенциал. Это точка зрения руководителей-прагматиков четвертой генерации, к которым относятся Ху Цзиньтао и Вэнь Цзябао.

Вокруг самого Китая сохраняется не очень восприимчивое внешнее окружение, включающее мусульманский мир Центральной Азии; соседей по ЮВА; не желающий объединяться на китайских условиях Тайвань; Индию; главных союзников США – Японию и Южную Корею; опасющуюся китайской экспансии Монголию и, наконец, полную своих амбиций Россию.

В то же время мы не можем отвергать тот факт, что в последнее время происходит притяжение соседних государств к китайскому экономическому полюсу. Вот почему, как утверждают китайские политологи, «вопрос интеграции экономик Китая, Сянгана, Аомыня и Тайваня по своей значимости выходит далеко за рамки китайского региона».

При этом геополитическое пространство для маневра у китайского руководства вовсе не так велико. В Пекине отчетливо осознают, что даже при хороших отношениях с Западом от последнего вряд ли стоит ожидать принципиального наращивания качественных инвестиций и масштабной передачи новейших технологий. США и их союзники четко придерживаются своей политики сдерживания Китая внутри азиатского региона. Менее всего Запад хотел бы содействовать превращению КНР в мощную державу.

Отсюда естественный вывод китайского руководства: Китай должен рассчитывать главным образом на свои собственные силы и резервы

Для китайского руководства явным является и тот факт, что вероятность скорого кардинального реформирования экономики и общества такого большого государства как Китай очень мала, и к тому же чревата дестабилизацией. Поэтому, для придания новых качественных характеристик экономическому росту в Китае целесообразно по-прежнему выстраивать систему «наиболее развитых зон» внутри государства.

Какими бы изъятиями не обладал этот подход, он все-таки базируется на политических реалиях Китая, главной из которых является огромный контраст в уровне социально-экономического, технологического и культурного развития между различными частями страны.

На сегодняшний день идейно-теоритическим обоснованием данной модели развития стала концепция «одно государство – два строя».

При рассмотрении проблемы «Большого Китая» нельзя обойти тему националистических, великодержавных амбиций китайского истеблишмента.

На фоне увеличения экономического потенциала КНР и в условиях очевидного идеологического кризиса, проявившегося в результате обесценивания социалистических ценностей среди капитализирующихся слоев китайского общества и нежелания последнего принять западные ценности, формируется новая форма китайского национализма. Вот почему китайские идеологи ввели понятие «Да Чжунхуа» («Большой Китай»/ «Greater China»).

Национальная самоидентификация в ракурсе формирующегося «Большого Китая» опирается, в первую очередь, на особую, специфически китайскую разновидность национализма – «китаецентризм».

В то же время, унитарное государственное устройство КНР вступило в противоречие с реальностью социально-экономических и политических процессов.

Несмотря на некоторые законодательные акты, принятые в последнее время руководством КНР, произошедшая де-факто экономическая децентрализация, а с ней и децентрализация властных полномочий, пока еще не нашли отражения в конституции КНР.

Несомненно, культурно-цивилизационное влияние Сянгана, Аомыня, Тайваня и зарубежной китайской диаспоры на континентальный Китай способствует дальнейшему осуществлению рыночных реформ. Это не может не вызывать настороженности и даже активного отторжения – по целому ряду аспектов – со стороны консервативного крыла правящей элиты КНР, усматривающей в таком влиянии опасный канал эрозии существующего режима.

Рост мощи Китая в совокупности с углубляющимися интеграционными процессами в рамках «Большого Китая» влияет на всю систему международных политических и экономических отношений. Дальнейшая проекция этого влияния, прежде всего в АТР, будет, вероятно, идти по нарастающей, при условии, конечно, поступательного, бескризисного развития самого материкового Китая.

В случае, если в КНР разразится социально-экономический кризис, он неизбежно детонирует по всему периметру.

Усиление «сепаратистского дрейфа» Тайваня, в общем, коррелируется с подспудными центробежными процессами в рамках всего Китая. Китайское руководство не намерено «терять лицо» в случае институализации Тайбэем в той или иной форме независимого статуса остр. ^{Вс}Важный конфликт в Тайваньском проливе несомненно окажет пагубное воздействие на отношения формирующегося «Большого Китая» с Западом, и может привести к дестабилизации ситуации в регионе АТР с трудно предсказуемыми последствиями.